

Перспективы занятости на Северном Кавказе

Специфика структуры его населения, особенности исторического и культурного развития Северного Кавказа создают особые условия для занятости. На фоне России в целом к 1998 г этот регион имеет относительно невысокие показатели безработицы. Отчего это происходит и как долго может продолжаться? Исследования показывают, что возможности социальной адаптации у населения этого региона крайне незначительны.

Модель занятости

В рамках данного исследования мы ограничимся анализом только нескольких факторов занятости, сосредоточив внимание на безработице¹. По структуре производства Северный Кавказ является индустриально-аграрным регионом — от стоимости производимой продукции 64% составляют промышленные товары и 36% — сельскохозяйственные (по итогам 1995 г).

В 1996 г. на Северном Кавказе проживало 17,8 млн. человек. Численность населения постоянно растет. Со второй пол. 1980-х гг. регион по уровню прироста населения был на втором месте после Сибири, а с нач. 1990-х и до настоящего времени прочно занимает первое место в Российской Федерации. В конце 90-х население Северного Кавказа возрастает за счет миграции, а в национальных республиках — также и в результате значительной рождаемости.

Для Северного Кавказа характерна высокая плотность населения — 49,8 чел/кв. км. Всего на 2% территории РФ сосредоточено 12% населения! Такая концентрация людей имеет место еще только в московском и петербургском регионах. По численности же сельского населения Кавказ занимает в Российской Федерации первое место. Здесь же самая большая в стране доля сельского населения — 44,7% (общероссийская доля 27,3%). При общей высокой плотности населения Северный Кавказ отличается еще и высокой скученностью людей по городским агломерациям — около 70% горожан проживает в 32 городах, причем 2/3 из них сосредоточено в 11 наиболее крупных городах. Особенно велика территориальная концентрация горожан в Ростовской области (81%), Северной Осетии (70%) и Адыгее (68%). Правда, в последние годы городская местность Северного Кавказа теряет население. Среди теряющих в первых рядах — Северная Осетия, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария (Чечню не учитываем).

В последние 20 лет происходила территориальная концентрация городского и сельского населения за счет значительных внутренних миграций, а в 1990-е гг. — и по причине внешних вынужденных миграций. Нагрузка вынужденными мигрантами региона — одна из самых больших в РФ. При большой массе рассредоточенного населения промышленное производство концентрируется лишь в нескольких региональных центрах: Ростов-на-Дону и Таганрог, Краснодар (и до недавнего времени — Грозный). Техническая оснащенность многих видов производства очень низкая, особенно производства в республиках.

Относительно полную картину причин сложившейся структуры занятости населения Северного Кавказа было бы очень трудно построить из-за «неры-

ночности» многих движущих сил. Попытаемся перечислить хотя бы основные факторы:

- природно-географические: дефицит жизненных ресурсов, особенно в горной местности;

- демографические: высокая доля сельской молодежи, в том числе и среди безработных; все еще значительная в ряде республик рождаемость, сильное миграционное давление в лице вынужденных переселенцев и беженцев, потери профессионального потенциала в связи с отъездом части населения — немцев, русских, армян, евреев, греков в страны дальнего зарубежья;

- экономические: слабое и вместе с тем массовое по числу работников сельское хозяйство, неустойчивая промышленность — крен в сторону мелких обрабатывающих отраслей, разрушение промышленных связей — местных и со смежными регионами; чрезвычайно плохие инвестиционные перспективы, (политические «жесты» со стороны федерального правительства — не в счет);

- социальные и образовательные (давно сложившийся комплекс бедности в республиках является социальным тормозом многих преобразований; низкий образовательный статус женщин; слабая профессиональная дифференциация населения; ориентация на этнокультурную самоизоляцию в сфере среднего образования; высокая криминогенность);

- этнокультурные и исторические (пестрая этническая карта, сосредоточенность в промышленности русских и прочих «привозных» специалистов периода 1970-х гг; стремление кавказцев избегать промышленной сферы при выборе профессии, их ориентация на «гуманитарные», управленческие и торговопосреднические формы занятости; сохранность старых способов и организации труда; этнокультурные барьеры и связанные с этим ограничения на свободный перелив рабочей силы);

- этнополитические (частые военные столкновения, проблемы «этнического права», этнического контроля над ресурсами, политические амбиции местных лидеров и поддерживающих их кланов, постоянно муссирующаяся тема национального (этнического) самоопределения и независимости).

Основные проблемы, связанные с занятостью, состоят в том, что, **во-первых**, Северный Кавказ (вследствие высокого прироста населения, слабой экономики и из-за политических конфликтов) имеет очень большой потенциал безработицы как сельской, так и городской. **Во-вторых**, нынешние потери рабочих мест пока что не столько связаны с рыночной экономикой, сколько с проявлением наследия советской эпохи, «рыночная» безработица еще впереди. **В-третьих**, безработица здесь уже заметно выше, чем в соседних регионах (в Поволжье и Центральном Черноземье). **В-четвертых**, имеются резкие диспропорции по уровню занятости внутри самого региона. На всех «русских» территориях безработица за весь период рыночных катаклизмов существенно меньше (ниже

среднероссийской), тогда как почти во всех национальных республиках она выше среднего по стране. В-пятых, здесь в явном виде проявляется повышенная безработица отдельных этнических групп (по нашей терминологии — имеет место «этническая безработица»).

Стартовый потенциал этнической безработицы

К юнцу 1980-х г., когда в сфере занятости еще действовал социалистический принцип «работаем неэффективно, но все», некоторые национальности СССР уже всю испытывали проблемы с трудоустройством. Результаты многочисленных научных исследований, а также переписи населения свидетельствуют о том, что в Российской Федерации наибольшие проблемы занятости были характерны для малочисленных народов Севера и для народов Северного Кавказа. Последняя Всесоюзная перепись населения (1989 г) позволяет сформировать довольно детальное представление о предпосылках безработицы в среде отдельных этнических групп. До экономических перемен народности Российской Федерации по уровню занятости подразделялись на три группы, соотношение численности которых к 1998 г в общем-то примерно сохранилось, что подтверждается материалами полевых исследований, а также результатами микропереписи 1994 г

Максимальная занятость (90% и более населения в экономически активном возрасте) характерна для всех крупных этнических групп РФ, исключая башкир: русские (91%), татары (89,5%), чувашы (89,8%) и др. Полная занятость, или даже сверхзанятость, свойственна только евреям. Среди них, в соответствии с переписью 1989 г., занятость была на уровне 107,5%. Это означает, что при практически всеобщей занятости экономически активных возрастов работали вдобавок как минимум 7% евреев-пенсионеров, что безусловно связано с исключительно высоким образовательным уровнем лиц данной национальности.

Недостаточная занятость (80-90%) характерна для народов, населяющих в основном азиатскую часть России: наиболее крупные народы Сибири (якуты, буряты), меньшая часть народов российского Кавказа (осетины, адыгейцы и черкесы). Недостаточная занятость характерна и для башкир (85%).

Низкая занятость (60-80% и менее). При ней до 40% трудоспособного населения не имеет работы, что характерно для малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также для большинства северокавказских народов (ингуши, чеченцы, кабардинцы и др.).

Таким образом, накануне реформ многие народы Северного Кавказа (как и Закавказья) испытывали безработицу. Особое значение здесь имела (и продолжает иметь) этнокультурная традиция низкой социальной мобильности кавказских женщин. На Северном Кавказе меньший естественный прирост в целом

согласуется со значительной занятостью. И наоборот, чем выше прирост, тем ниже занятость экономически активного населения (табл. 1).

Табл. 1

*Уровень естественного прироста и занятости
в наиболее крупных этнических группах*

	Доля занятых среди эконом. активного населения, 1989 г., %	Естественный прирост, 1990 г., промилле
<i>Недостаточная занятость (80-90%)</i>		
черкесы	86,0	13,4
осетины	85,0	9,8
адыгейцы	81,6	8,5
армяне	80,2	менее 6
<i>Низкая занятость (60-80%)</i>		
карачаевцы	79,3	17,3
аварцы	78,8	народы Дагестана
кумыки	78,6	
даргинцы	78,3	
лезгины	78,2	
балкарцы	76,9	14,6
кабардинцы	76,9	17,5
чеченцы	71,41	23,9
ингуши	64,2	23,8

Относительно благоприятное положение было лишь у осетин, адыгейцев, армянской диаспоры и, судя по всему, у черкесов (высокая занятость черкесов объясняется активным участием сельских жителей в местном промышленном производстве). Занятость кабардинцев, балкарцев, большинства народов Дагестана была значительно ниже. Среди крупных этносов Северного Кавказа наименьшая занятость характерна для ингушей и чеченцев (не менее трети взрослых — без работы!). Они же имели наивысший естественный прирост в конце 1980-х гг

Картина занятости на Северном Кавказе в 1990-е гг все еще очень похожа на ту, что зафиксировала упомянутая перепись населения: микроперепись (1994 г) показала, что именно в Дагестане и Ингушетии наибольшее число людей называло основным источником средств существования пособие по безработице.

Отраслевые особенности занятости

Адекватная нынешним условиям профессиональная структура населения позволяет смягчить многие социальные потрясения, придает этнической общности большую устойчивость. У народов Северного Кавказа отраслевая структура занятости не одинакова. Следовательно, различается и степень их готовности к рынку и кризисным явлениям отечественной экономики. Северо-кавказ-

ские народы можно подразделить на три большие группы: значительно урбанизированные (по меркам южных регионов РФ), то есть давно освоившие «городские» профессии (соответствующие отрасли промышленности и обслуживания); слабо урбанизированные народы; типично сельские народы.

1. Этнические общности с наиболее урбанизированной отраслевой структурой занятости характеризуются тем, что около половины и более населения проживает в городской местности Северного Кавказа; значительное количество занято в промышленности (26%) и их доля выше доли занятых в сельском хозяйстве (20%); доля занятых в сфере обслуживания, управления, науки и культуры, сравнительно велика (45%); велика также доля специалистов с высшим и средним специальным образованием (38%), относительно мала (по кавказским масштабам) доля взрослого населения без образования или с начальным образованием (18%). В эту группу входят осетины, армяне, черкесы, балкарцы, кабардинцы.

2. Этнические общности со слабо урбанизированной отраслевой

структурой занятости: большая часть населения (ок. 60%) проживает в сель-

ской местности; преобладают лица, занятые в сельском хозяйстве (31% по сравнению с 22% занятых в промышленности); в сфере обслуживания и управления сосредоточено до 40% занятых, причем среди них заметно меньше (сравнительно с первой группой) работников транспорта и торговли; заметна тенденция поляризации населения по образовательному признаку (специалисты с высшим и средним образованием — 30%, малообразованные — 22%). Эту группу составляют ингуши, адыгейцы, кумыки, карачаевцы, лезгины.

3. Этнические общности с типично сельской отраслевой структурой

занятости: подавляющая часть населения (70%) проживает в сельской местности; сельским хозяйством занята почти половина трудоспособного населения, а в промышленности людей работает в два с лишним раза меньше (ок. 15%); в сфере обслуживания и управлении сосредоточена примерно 30% занятых; наблюдается явная поляризация населения по уровню образования: сравнительно много (21%) специалистов с высшим и средним специальным образованием и вместе с тем много лиц с начальным образованием или вообще без образования (27%). Названная группа состоит из чеченцев, аварцев, даргинцев.

В зависимости от варианта развития экономики региона в ближайшие годы и от того, каким будет «букет» наиболее кризисных отраслей, разные этносы испытывают неодинаковую нагрузку. Скажем, углубление кризиса в сельском хозяйстве и некоторое оживление в промышленности неминуемо усилит безработицу среди карачаевцев, ингушей, чеченцев, балкарцев, лезгин и др.

В последние годы, когда в глубоком кризисе находятся и сельское хозяйство и промышленность, вероятность этнической безработицы логично оцени-

вать по масштабам участия каждой национальной группы во всех отраслях материального производства. Рабочая гипотеза в данном случае может быть такой: наибольшая вовлеченность в сферу материального производства определенной категории населения сопряжена с наибольшим риском сокращения занятости. Соответственно указанному критерию народы Северного Кавказа образуют четыре группы соответственно.

Группа 1: наименьший риск сокращения занятости. Самое благополучное исходное положение лишь у трех групп: армян, адыгейцев и осетин. Доля занятых в материальном производстве среди первых — 36,0; вторых — 42,7; третьих — 43,4%. Кризисы в отраслях материальной сферы в данном случае непосредственно затрагивают меньшую часть занятого населения. Данное предположение в значительной степени согласуется с нынешним положением вещей в Республике Адыгея, в которой с начала 1994 по 1996 г. официальный уровень безработицы увеличился незначительно — с 1,8% до 2,2%. В то же время общее увеличение показателя во всем северокавказском регионе было существенным — на 1,7 проц. пункт. По доле безработных Адыгея в 1996 г. находится на последнем месте среди национальных республик региона.

Правда, указанный критерий вряд ли применим в отношении осетин в Северной Осетии, поскольку в этой республике вот уже несколько лет экономический кризис оказывает второстепенное влияние на занятость, уступив место серии политических кризисов (военные столкновения, беженцы, этнические сселения, миграции).

Группа 2: вероятность сокращения занятости ниже среднего. Доля занятых в материальном производстве среди балкарцев составляет 46,7; кумыков — 49,9; черкесов — 51,0; кабардинцев

51,9; ингушей — 52,0%. В Дагестане именно кумыки менее всего подвержены экономическим стрессам. В пользу этого вывода говорят следующие факты: среди них занятость в 1989 г. составила 78%, что намного выше, чем среди других народов республики; средняя урбанизированность (а по меркам Дагестана — урбанизированность можно назвать даже высокой — 45% населения живут в городской местности); достаточно высокий образовательный уровень (30% лица с высшим и средним специальным образованием); кумыки, кроме того, четвертый по численности народ Дагестана и при этом они проживают в столичной, наиболее промышленно развитой части республики.

Нынешний уровень безработицы в Кабардино-Балкарии, где кабардинцы и балкарцы в основном и проживают, является одним из самых низких (после Адыгеи) среди национальных республик Северного Кавказа. Правда, в данном случае должны быть учтены такие факты, как довольно низкая стартовая занятость кабардинцев и балкарцев и нынешнее особенно плачевное состояние местной экономики. Падение занятости в 1994 и 1995 гг. в этой республике было значительным.

Группа 3: вероятность сокращения занятости выше среднего. Доля занятых в материальном производстве, по данным переписи 1989 г, была среди чеченцев 56,24; лезгин — 56,35%.

Группа 4: максимальный риск безработицы. Доля занятых в материальном производстве среди аварцев — 60,62; карачаевцев — 62,45; даргинцев — 67,14%.

Сельские банкротства как фактор сокращения занятости

Уже по итогам 1995 г Северный Кавказ занимал 1-е место в Российской Федерации по доле прибыльных сельскохозяйственных предприятий (48%; в среднем по стране — 37%, в соседних с Северным Кавказом регионах в Центральном Черноземье — 44%, в Поволжье — 31%). Впрочем, такое первенство Северного Кавказа не дает основания для оптимизма ни с общеэкономических позиций, ни с точки зрения перспектив занятости. По нашим расчетам, за 1990-

е гг. сокращение прибыльных сельскохозяйственных предприятий здесь составило не менее 55-60%.

Масштаб сельских банкротств не будет достаточно понятным, если не учитывать важнейшую особенность сельского производства России в этот период. Особенность эта — беспрецедентное (за период после сталинской реформы) дробление сельских хозяйств. Если сравнивать 1990 и 1995 гг., то в России количество хозяйств увеличилось на 18% при сокращении числа прибыльных в половину и более. Наибольший прирост новых хозяйств, связанных в основном с распадом или дроблением коллективных сельских организаций и с появлением «новых» производителей — фермеров, как раз характерен для Северного Кавказа, где он составил 31%, на втором месте — Урал и Северо-Запад (27%), а в Центрально-Черноземном регионе рост был наименьшим — 10%.

Региональная динамика сокращения прибыльных сельскохозяйственных предприятий по стране выглядит следующим образом: самые ощутимые потери произошли в районах так называемого рискованного земледелия — на Дальнем Востоке, Восточной Сибири, на Европейском Севере и Северо-западе (хотя в последнем, как уже говорилось, количество производящих хозяйств увеличилось чуть ли не на треть). Являются ли новые хозяйства более прибыльными в сравнении со старыми?

Для ответа на этот вопрос используем показатель динамики прибыльных сельхозпредприятий в расчете на каждые сто вновь появившихся. Расчеты показывают, что 1990-1995 гг. — период наибольшего увеличения численности новых хозяйств. В Поволжье скорость распространения банкротств в сельском хозяйстве превышала увеличение численности новых хозяйств в три раза. Лидер же среди основных сельскохозяйственных территорий — Центрально-Черноземный регион, где на каждые 100 новых сельских производств приходилось 450 убыточных (эффективная прибыльность самостоятельных производственных единиц с учетом реорганизации сельского хозяйства самая низкая; табл. 2).

Табл. 2

Эффект реорганизации (разукрупнения) сельского хозяйства в регионах РФ*

Экономический регион**	Рост числа с/хозяйств, 1995 к 1990 гг., %	Рост/снижение прибыльных хозяйств 1995 к 1990 гг. %	Рост/снижение прибыльных хозяйств, на 100 новых хозяйств
Северо-Кавказский	31,3	-50,7	-113,8
Уральский	27,0	-61,7	-192,2
Северо-Западный	26,6	-76,6	-266,7
Волго-Вятский	18,7	-58,8	-275,3
Северный	21,6	-68,9	-289,3
Поволжский	20,2	-65,9	-294,0
Восточно-Сибирский	15,5	-69,0	-415,5

Дальневосточный	18,3	-79,3	-416,0
Западно-Сибирский	11,5	-54,5	-429,3
Центрально-Черноземный	9,9	-49,0	-449,5
Центральный	8,3	62,7	-724,6
Калининградская обл.	6,6	-51,8	-733,3

* $\Xi = \Pi / X * 100$, где Ξ — эффективная прибыльность с учетом реорганизации сельского хозяйства; Π — прирост/снижение числа прибыльных предприятий за период единиц; X — количество вновь образованных сельхозпредприятий за период.

** Список регионов в порядке убывания значений третьего столбца

Как видно из таблицы, появление на Северном Кавказе каждой новой сотни самостоятельных сельских хозяйств сопровождалось появлением 114 убыточных. Даже если все новые хозяйственные единицы «сразу» становились рентабельными (что, конечно же, не так), процесс разрушения сельского производства явно развивался быстрее. Но это, как оказалось, самый низкий в стране темп разрушения. Положение Северного Кавказа как наименее убыточного сельскохозяйственного региона имеет только лишь одно положительное значение, поскольку в регионе темп прироста сельских банкротств ниже всех по стране, значит и сокращение рабочих мест в сельских отраслях должно быть наименее интенсивным (хотя, конечно, банкротства — не единственный фактор сокращения занятости).

В пределах Северного Кавказа на разных территориях разрушение сельского хозяйства идет неодинаковыми темпами (табл. 3).

Табл. 3

*Реорганизация сельского хозяйства и убыточные предприятия
Северного Кавказа*

Территории Северного Кавказа*	Рост числа сельских хозяйств, 1995 к 1990 гг, %	Рост/ снижение прибыльных хозяйств на 100 новых хозяйств	Превышение доли сельских безработных над долей сель жителей, процент, пунктов, 1995 г.
<i>рост новых хозяйств опережает рост банкротств</i>			
Кабардино-Балкария	129,7	-44,6	19,5
Адыгея	55,4	-53,6	-6,7
Сев. Осетия	46,1	-59,5	3,3
Ставропольский	41,2	-62,9	-0,5
<i>рост новых хозяйств и банкротств равны</i>			
Краснодарский	28,4	-92,4	-0,4
<i>рост обанкротившихся хозяйств опережает рост новых</i>			
Дагестан	22,2	-173,2	16,3
Карачаево-Черкесия	20,0	-238,5	15,2
Ростовская	9,3	-459,5	-7,1

*Список регионов в порядке убывания значений второго столбца

Кабардино-Балкарию, Адыгею, Северную Осетию и Ставропольский край можно отнести к числу территорий с наименьшим потенциалом сельской безработицы на ближайшие несколько лет.

Равные темпы прироста новых и убыточных хозяйств характерны только для Краснодарского края. По данному соотношению и по ряду других показателей сложившуюся в крае ситуацию с занятостью можно назвать хрупко-равновесной.

В Дагестане, Карачаево-Черкесии, Ростовской области рост обанкротившихся сельхозпредприятий значительно опережает увеличение количества новых. Там, судя по всему, имеется наибольший потенциал сельской безработицы, не компенсируемый (или провоцируемый) реорганизацией сельского хозяйства. Темп банкротизации сельских производств в Ростовской области показывает, что «отстающее» по уровню безработицы сельское население области в скором времени может «догнать» городских жителей. Наихудшее положение — в Карачаево-Черкесии и Дагестане. В Карачаево-Черкесии сельская безработица постоянно росла быстрыми темпами, догоняя городскую, и в 1995 г. значительно обогнала последнюю. Прирост числа убыточных предприятий в этот период в два с лишним раза превышал количество новых хозяйств.

Фермерство — альтернатива безработице?

Новая экономика в России произвела на свет фигуру «постсоциалистического» фермера. В состоянии ли она не только улучшить региональную экономику, но и смягчить проблему занятости?

Динамика развития фермерства в исследуемом регионе вроде бы подтверждает выгодность новой формы хозяйствования: численность единоличных крестьянских хозяйств — самая большая в РФ и составляет 28% (нач. 1996 г.). Это в два с лишним раза больше, чем в любом другом крупном сельскохозяйственном регионе России.

Прежде чем обсуждать перспективы фермерства на Северном Кавказе, стоит кратко ознакомиться с общероссийской ситуацией по данной проблеме. Так, на 1 января 1996 г. в России насчитывалось 283 тыс. фермеров, в распоряжении которых имелось 11 млн. га угодий (причем пашня занимает 67%). Преобладали мелкие хозяйства фермеров — у половины из них менее 20 га на хозяйство и еще у 20% менее 50 га на хозяйство. Только 8% хозяйств фермеров можно считать *крупными* — по 100 га и более. Такие хозяйства в основном сосредоточены в Поволжье и южном Урале. На Дальнем Востоке крупное фермерство есть только в Амурской области. Самые *мелкие* фермерские хозяйства находятся в Карелии, Марий Эл, Чувашии и... на Кавказе.

Насколько эффективно сегодня российское фермерство? На долю фермеров всей страны приходится 5% угодий и 6% пашни. По итогам 1995 г. на пахотной территории фермеров произведено только 5% всего российского зерна (причем по сравнению с 1994 г. объемы производства сократились почти на треть). Фермеры производят 12% подсолнечника (производство увеличилось вдвое), 4% сахарной свеклы (производство увеличилось почти вдвое), мяса и молоко —

объемы стабильны, не более 1,7%. Отсюда видно, что «зерновые» возможности фермеров очень низки (заметим, на Северном Кавказе зерновая специализация сельского хозяйства имеет исключительную важность) и что фермеры более склонны производить конъюнктурную продукцию. К примеру, едва осложнилась ситуация с поставкой сахара из Украины, как российские фермеры начали выращивать сахарную свеклу и т. п. Общая доля фермеров в валовом производстве сельхозпродукции не растет, она с 1994 г колеблется в пределах 2%. Таким образом, фермерство сегодня и по крайней мере в ближайшие несколько лет не может иметь особого значения для страны в целом. Не существенна его роль и для экономики большинства ее регионов.

Северный Кавказ — это сегодня практически единственная территория (из числа крупных сельскохозяйственных), на которой численность крестьян-единоличников (фермеров) увеличивается (за 1994-1995 гг с 73,5 до 79,2 тыс., прирост 7,8%). В других сельскохозяйственных регионах происходил обратный процесс: в Поволжье численность фермеров сократилась на 2,2%, в Центральном Черноземье — на 3,2%, на Урале — на 4,2%, в Западной Сибири — на 4,4%.

Можно предполагать, что масштабы развития единоличных хозяйств на Северном Кавказе попросту связаны с большой численностью сельского населения. Ведь данный регион по этому показателю занимает первое место в РФ. Однако удельные соотношения здесь тоже самые большие: на долю Северного Кавказа приходится 20% сельского населения, а фермерских хозяйств — 28%; разница, следовательно, составляет 8 процентных пунктов. Такое соотношение совсем не характерно для остальных крупных сельскохозяйственных территорий. Лишь в Поволжье фермерство имеет черты интенсивного развития, там сельское население — 12%, а фермерские хозяйства составляют 13% от всей их численности в РФ (1996 г). Остальные регионы характеризуются обратным соотношением: доля сельского населения больше, а фермерских хозяйств — меньше. Наибольшая разница наблюдается по соседству с Кавказом, в Центральном Черноземье (8% и 4% соответственно).

Из данного наблюдения следует, что фермерство на Северном Кавказе в плане занятости (экономическую сторону проблемы не рассматриваем) развивается гораздо интенсивнее, чем в каком-либо другом сельскохозяйственном регионе страны. В чем причина? Ведь, как известно, рост единоличных крестьянских хозяйств и тем более хозяйств «настоящих» фермеров связан с «подушным» использованием больших земельных ресурсов. Какова же обеспеченность земель в данном регионе?

На Северном Кавказе среднее единоличное крестьянское хозяйство имеет всего 18 га сельскохозяйственных угодий. Такая норма — одна из наименьших в стране. В соседнем Поволжье — по 100 га, а в плотно заселенном Черноземье — по 40 га.

Видимо, опережающий рост числа фермеров на Северном Кавказе при исходном остром земельном дефиците во многом объясняется серьезными проблемами занятости, а не какими-то особенными экономическими выгодами. Если так, тогда фермерство в численном отношении, можно сказать, уже достигло запредельных высот своего развития и конечно же не может в дальнейшем стать эффективным «поглотителем» лишних рабочих рук. Однако это касается региона в целом. Отдельные территории имеют разные перспективы.

Сопоставление трех величин — обеспеченности населения продуктивными сельскохозяйственными угодьями, уровня безработицы и интенсивности развития фермерства — показывает, что на Северном Кавказе имеется три группы территорий с разными перспективами развития фермерства.

Равнинная часть региона характеризуется низким уровнем безработицы. Между собой составляющие ее группы территорий различаются *обеспеченностью* земельными ресурсами: наилучшая обеспеченность в Ростовской области и Ставропольском крае, а в Краснодарском крае и Республике Адыгее довольно сильно ощущается дефицит сельскохозяйственных площадей. *Горные* территории отличаются относительно высоким уровнем безработицы и значительным недостатком сельских угодий.

При нормальной обеспеченности землей и низком уровне безработицы удельная численность фермерских хозяйств возрастает прежде всего там, где наиболее ощутимы проблемы занятости, то есть на территории Ставропольского края (хотя, казалось бы, фермерство должно интенсивнее развиваться в Ростовской области, где больше надельной земли). Похожая ситуация складывается даже в случаях, когда земли совсем мало, но ситуация с занятостью пока терпима (фермерство интенсивнее развивается в Адыгее, а не в Краснодарском крае, хотя в последнем удельная обеспеченность сельхозплощадями несколько больше). При общем остром земельном голоде и крайнем недостатке рабочих мест, фермерство наиболее активно развивается именно там, где имеются хоть какие-то свободные площади: по абсолютным и относительным показателям роста фермерских хозяйств здесь лидирует Дагестан с его обширными пастбищными территориями.

Таким образом, активное развитие фермерства на Северном Кавказе происходит в основном не по причинам экономической привлекательности данного вида деятельности, а в результате «выталкивания» работников из других сфер производства.

Каковы же перспективы фермерства относительно решения проблем занятости? Судя по всему, численное увеличение фермеров будет продолжаться в Ставрополье, причем именно по причине роста безработицы. Однако предельная численность хозяйств уже в ближайший год-два будет достигнута и тогда процесс начнет развиваться в обратном направлении. Фермерских хозяйств в Ставрополье станет меньше, они будут крупнее. Отток из фермерства позднее неминуемо превратиться в дополнительный источник проблем занятости.

В Ростовской области имеется самый большой потенциал для развития единоличных крестьянских хозяйств. Во-первых, здесь больше надельной земли, во-вторых, нет земельного ажиотажа, ведь территория в значительной степени урбанизирована. Развитие фермерства здесь, видимо, пойдет по пути северных соседних регионов, то есть в направлении некоторого сокращения численности единоличных хозяйств, их укрупнения и стабилизации численности. Поэтому в Ростовской области также нет смысла рассматривать фермерство как способ решения грядущих проблем занятости.

Краснодарский край, кажется, уже достиг своего максимума численности фермерских хозяйств, дальнейшая перспектива здесь практически отсутствует: слишком мало земли и высока плотность населения, которая продолжает расти из-за высокого миграционного прироста. Процесс «фермеризации» вскоре пойдет в обратную сторону, обостряя проблемы занятости и межэтническое соперничество. То же самое справедливо и в отношении Адыгеи.

Что же касается остальных национальных республик Северного Кавказа, то фермерство там не только не может решить какие-то проблемы занятости (хотя бы временно), но и вообще не в состоянии развиваться с учетом экономической целесообразности. В условиях горной местности при большой плотности населения слишком мало сельскохозяйственных угодий.

Наиболее успешно среди всех республик идет по пути фермерства Дагестан. Но там на каждого сельского жителя приходится всего-то по 32 сотки пахотной площади, а «фермеры» владеют землей по 2 га на хозяйство! Наихудшие перспективы у единоличных товарных хозяйств в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии, где самая низкая обеспеченность всеми видами сельхозугодий. В Северной Осетии на одного жителя сельской местности (а в этой республике доля сельских жителей самая маленькая) приходится пашни по 0,9 га, а пастбищ и сенокосов, вместе взятых — по 0,53 га.

Имеется и еще одно препятствие, стоящее на пути развития единоличного хозяйства у кавказских горцев. Дело в том, что хозяйство фермерского типа предполагает превращение эксплуатируемой земли в собственность. А это означает, что необходим раздел и передел земельной площади. Но если приусадебные участки и лоскутья пахотной земли еще как-то можно определить в собственность, то как скотоводам «навсегда» поделить горные пастбища? «Пастбищные» конфликты — самые длительные и кровавые в истории хозяйственного соперничества на Кавказе. Некоторые понятия о собственности зачастую трудно совместимы с менталитетом горца: по его представлению частным может быть, например, дом, садовый участок, скот, но никак не горы.

Вообще институт частной собственности на Кавказе развивается как-то специфично. Сам процесс разгосударствления экономики очень слабо идет по пути индивидуализации. К примеру, из всех возможных способов приватизации

— акционирование, выкуп аренды и проч. — в Дагестане, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии предпочтение отдано именно акционированию (до 80% предприятий в 1995 г.). В целом по России этот способ применялся только в половине случаев. Таким образом, приватизация на Северном Кавказе идет как бы по «колхозному» пути — собственность из государственной превращается в коллективную. С точки зрения экономической эффективности этот путь, возможно, не самый лучший. Но в данном регионе, с его явным и скрытым потенциалом лишних рабочих рук, коллективная собственность, как некая буферная система, позволяет избежать обвальную безработицу.

Перспективы занятости в связи с развитием малого бизнеса

Рыночная ориентация России вызвала к жизни самую массовую форму предпринимательства — так называемые малые предприятия. Считается, что в тех сферах, где малые предприятия действуют наиболее активно, им нет равных по уровню экономической эффективности.

Может ли эта новая сфера экономической деятельности в какой-то мере ослабить проблемы трудоустройства на Северном Кавказе?

В РФ по сводкам Госкомстата насчитывается более 900 тыс. малых предприятий (1996 г.). Из них 43% занимается торговлей и общественным питанием, 27% — выпускает промышленную продукцию или занимается строительно-подрядными работами, 10% — научной и общекommerческой деятельностью. Общая численность занятых на малых предприятиях — 14 млн. чел., в том числе 9 млн. работают на постоянной основе, а это — 15% населения страны, занятого в экономике. На долю малых предприятий приходится более 9% общего объема промышленной продукции, 1/3 строительно-подрядных работ, 20% розничного товарооборота.

Наибольшее количество малых предприятий, помимо Москвы и Санкт-Петербурга, зарегистрировано именно на Северном Кавказе — в первую очередь в Краснодарском крае и Ростовской области. Немало их также и в Поволжье, но не в республиках. Малые предприятия многочисленны в Волгоградской и Самарской (самая экономически крепкая) областях, а среди республик их много только в Башкортостане (опять же наиболее экономически устойчивая территория). Вместе с тем малый и средний бизнес явно отстает в национальных республиках Поволжья и Сибири. Такая картина — явное свидетельство чрезвычайной избирательности малого бизнеса: действовать там, где экономические условия наиболее выгодные

На малых предприятиях занято около половины работников сферы торговли и общественного питания. Поскольку малые предприятия работают более

эффективно (самый высокий оборот средств в расчете на одного работника), это означает, что в регионах, где торговля наиболее развита, как, например, на Северном Кавказе, эта сфера в суром времени исчерпает лимит экстенсивности и неизбежно породит избыток предложения рабочих рук. Обратная сторона процесса развития малых предприятий — усиление безработицы в соответствующих отраслях. Причем это касается далеко не только сферы обслуживания или посредничества, но и промышленных отраслей. К примеру, в промышленности занято уже 2,3 млн. чел. — работников малых предприятий.

Особенно много производственных малых предприятий возникает в обрабатывающих отраслях, а именно обрабатывающие отрасли промышленности весьма характерны для экономики Северного Кавказа. Уже в 1994 г в режиме полной занятости на малых предприятиях этого региона числилось 0,8 млн. чел., то есть 12% от всей численности занятых (в среднем по России тот же уровень). Наибольшее количество работников малых предприятий зарегистрировано на территориях с наибольшей численностью населения—в Краснодарском и Ставропольском краях и Ростовской области, а среди национальных республик — в Северной Осетии как наиболее развитой в промышленном отношении.

Ситуация в каждой республике, в каждом крае своя. Видимо, и проблемы занятости посредством малого и среднего бизнеса могут решаться по-разному. Чтобы понять общее положение вещей, необходимо оценить эффективность деятельности малых предприятий по отдельным республикам. Однако мы не располагаем данными о рентабельности таких предприятий. Поэтому будем основывать свои наблюдения, используя условную эффективность — по соотношению двух удельных показателей: доли работников малых предприятий среди всего занятого населения и долю производимой малыми предприятиями продукции среди всей продукции территории. Так как далеко не все они дают собственную продукцию, и, более того, по оценке налоговых служб, лишь половина их действительно занимается реально заявленной деятельностью, мы будем рассматривать только производственные малые предприятия.

Эти последние распространены в регионе шире, чем некоторые другие. Такая тенденция идет вразрез с общероссийской, что объясняется рядом историко-экономических и социальных причин, прежде всего тем, что местное производство, как правило, относится к разряду обрабатывающих отраслей и представляет собой сеть мелких и средних предприятий, возникших в 1960-1970-е гг. Именно таким образом в те годы решалась проблема полной занятости. Не случайно на Северном Кавказе и донные самый большой в стране (около 20%) удельный вес малых предприятий, принадлежащих государственному сектору.

Территориями с высокой долей работников промышленных МП—около 1/3 всех занятых в промышленности — являются Карачаево-Черкесия и Адыгея; со средней долей — около 1/5 - все

территории, исключая две вышеназванные и Ростовскую область; с низкой долей — около 1/10 — Ростовская область.

Степень участия малых предприятий в совокупной промышленной продукции тоже различается по территориям. В Ростовской области она примерно соответствует доле занятых на МП работников, а в Карачаево-Черкессии 31% занятых на малых предприятиях вырабатывают только 18% продукции; в Кабардино-Балкарии и Дагестане промышленные малые предприятия, по всей видимости, действуют весьма успешно.

Характерным примером развития малого и среднего бизнеса на Северном Кавказе является отрасль обувного производства. В советский период многочисленные мелкие и средние обувные предприятия Кавказа имели двойное назначение: первое — выпуск продукции, второе — улучшение ситуации с занятостью. До трети обувных предприятий возникли в тот период в сельской местности. В результате из полутысячи обувных предприятий РФ наибольшее их количество находится на Северном Кавказе — 23% (Москва и Московская область на втором месте — 19%). В обувной индустрии Северного Кавказа занято 59,4 тыс. чел., или 20% всех занятых в этой отрасли в стране (1994 г).

Однако при столь большой численности предприятий Северный Кавказ обладает далеко не самым развитым производственным потенциалом. По нашей оценке он составляет только 13% от общероссийского. А если брать среднюю мощность одного предприятия, тогда Северный Кавказ и вовсе окажется на одном из последних мест в стране — 480 тысяч пар обуви в год на одно предприятие при общероссийском показателе более 700 тысяч. Естественно, и выработка на одного занятого тоже одна из самых незначительных: при среднероссийском потенциале 536 пар обуви на 1 производителя в год (речь в основном идет о кожаной обуви) на Кавказе возможен выпуск только 336 пар одним среднестатистическим работником. Обувные предприятия Северного Кавказа — одни из самых слабых в стране.

Как видим, нередко наблюдается явное несоответствие: с одной стороны — большая численность промышленных малых предприятий и занятых там работников, с другой — низкая результативность таких предприятий. Это наблюдение наводит на мысль, что, как и в случае с фермерскими хозяйствами, малые предприятия Северного Кавказа — это зачастую не столько попытка найти прибыльную экономическую нишу, сколько реализовать потенциал свободных рабочих рук.

Бедность как индикатор рынка рабочей силы

Как уже отмечалось, Северный Кавказ обладает очень большим потенциалом безработицы, хотя нынешний ее уровень пока не превышает среднероссийские показатели.

Часть республик региона, такие как Ингушетия, Чечня, а также Дагестан, Северная Осетия и Карачаево-Черкесия уже достигли наихудшего уровня в стране. На начало 1996 г наибольшая масса безработных, прошедших официальную регистрацию, была сконцентрирована в Дагестане (54 тыс. чел.) и в Ингушетии (48 тыс.).

Накануне перехода к рынку имела место этническая безработица. Наибольшие трудности испытывали ингуши и чеченцы (без работы около 1/3 экономически активного населения), а также кабардинцы, балкарцы, крупные этнические группы Дагестана, карачаевцы. Эти этнические общности с полным основанием можно назвать безработными. В послеперестроечные годы к их числу присоединились осетины.

Высокий потенциал безработицы некоторых народов Северного Кавказа, кроме

того, заключается в особенной отраслевой структуре занятости. По мере углубления рыночных отношений он реализуется уже в ближайшие годы. С нашей точки зрения, наиболее опасна волна сельской безработицы, уровень которой интенсивно поднимается с 1994 г. В частности, почти неизбежна масса сокращений рабочих мест в крупнейшем по численности и плотности населения Краснодарском крае. Но наиболее интенсивное сокращение рабочих мест в сельских отраслях следует ожидать в Карачаево-Черкесии, Дагестане и, вероятно, в Ростовской области.

В каком направлении будет развиваться трудовая миграция?

Для ответа на этот вопрос мы использовали для оценки градиента данные о распространенности бедных семей (официально признанных бедными).

По данным опроса 1995 г, в РФ доля бедных семей (доходы которых ниже прожиточного минимума на члена семьи) составляет около 47%. При этом наибольшая доля таких семей, по 80% и более — среди населения Восточной Сибири (Тувы, Читинской области, Бурятии), а наименьшая — в Ульяновской области (19%), Москве (27%), Санкт-Петербурге (28%). В Кавказском регионе наблюдается следующая закономерность: относительно лучшее положение характерно для «русскоязычных» территорий, где доля бедных семей ниже средней величины по РФ (при этом наиболее высокая доля бедных в Ставрополье — 47%). А наихудшее положение в этом регионе — в национальных северокавказских республиках (доля бедных семей практически повсеместно выше среднероссийского показателя). Поскольку мы не располагаем данными по Чечне, Ингушетии и Дагестану, которые по данному критерию вероятнее всего имеют самые негативные показатели, к разряду самых проблемных относятся Северная Осетия (семьи бедняков составляют 63% всех семей) и Кабардино-Балкария (59%).

Самая многонаселенная из всех северокавказских республик — Дагестан, здесь же проживает наибольшее количество этнических групп. В то же время именно для Дагестана характерен наибольший (без учета Чечни) уровень безработицы — как явной, так и скрытой. Это означает, что, во-первых, именно Дагестан в ближайшей перспективе будет главным очагом выезда трудовых мигран-

тов, и, во-вторых, как раз в Дагестане наиболее велик риск разрастания этнической безработицы (различный уровень занятости совместно проживающих этнических групп) и, как следствие, усиление межгрупповой конфликтности. Демографические данные позволяют определить наиболее вероятный путь усугубления этнической безработицы в Дагестане: из 13 основных этнических групп, там проживающих, труднее всего найти работу, как в настоящее время, так и ближайшие годы, чеченцам, лезгинам, даргинцам, аварцам, кумыкам, отчасти — лакцам. Именно для них годы характерен наибольший прирост численности на территории республики. Так, численность чеченцев в Дагестане увеличилась со времени переписи 1989 г более чем на половину (1995 г), численность лезгин — на четверть, даргинцев — на 20% и т. д.

Для этих же групп характерен наибольший естественный прирост, что свидетельствует о долговременной тенденции недостатка рабочих мест. Эти шесть этнических групп являются как потенциальным источником, так и объектом конфликтов. Из 50 административных территорий Дагестана наиболее кризисными в этом отношении являются 18, поскольку там наблюдается наибольший прирост численности населения и именно там преобладают названные этнические группы. Территории с наиболее острыми проблемами занятости сосредоточены в двух зонах: равнинно-предгорный центр Дагестана (Хасавюрт — Кизил юрт — Гергебиль — Леваша — Избербаш), где за рабочие места конкурируют аварцы, даргинцы, чеченцы, кумыки, и юг Дагестана на приграничных территориях с Азербайджаном, где основной массу населения составляют лезгины.

Если судить по разным индикаторам, получается, что потенциал движения рабочей силы направлен от северокавказских республик (в первую очередь — из Дагестана) к «русским» территориям Северного Кавказа, а оттуда — в нижнее Поволжье (не включая Калмыкию), а также в Центральное Черноземье и столичный Центр. Но, видимо, наивысший миграционный прилив лишних рабочих рук и вытекающие отсюда межгрупповые конфликты на этнической почве следует ожидать в Краснодарском крае и Ростовской области.

Примечание:

¹ В статье использованы следующие издания: Мониторинг социально-экономического потенциала семей. - М.: Госкомстат России, Мин-во соц. защиты РФ, 1996; Производственно-экономические показатели развития агропромышленного комплекса России в 1995 г - Ч. 2. - М.: Информагробизнес, 1996; Романенка Г.А., Комов Н.В. Земельные ресурсы России, эффективность их использования. - М, 1996; Российский статистический ежегодник. - М.: Госкомстат, 1996,1997; Сельское хозяйство России. - М.: Госкомстат, 1995; Сельскохозяйственные предприятия РФ по формам собственности. - М.: Госкомстат, 1996; Социально-экономическое положение России. - М.: Госкомстат, 1995, 1996, 1997; Сравнительные показатели социально-экономического положения населения регионов Российской Федерации. -М.: Госкомстат, 1995,1996; Сравнительные показатели экономического положения регионов России. -М.: Госкомстат, 1996,1997; Статистический бюллетень о ходе приватизации государственных и муниципальных предприятий (объектов) в РФ. - М: Госкомстат, 1996; Уровень жизни населения России -М.Госкомстат, 1996.